

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Семухина Е.А., Овчинникова Е.В. — О репрезентации культурной категории греховности в творчестве А.Н. Радищева // Человек и культура. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.5.68780 EDN: BWIQGC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68780

О репрезентации культурной категории греховности в творчестве А.Н. Радищева

Семухина Елена Александровна

ORCID: 0000-0001-8560-0707

кандидат филологических наук

доцент, кафедра «Переводоведение и межкультурная коммуникация», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А

410054, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Политехническая, 77

✉ semuh@rambler.ru

Овчинникова Елена Викторовна

ORCID: 0000-0002-1197-5853

кандидат исторических наук

доцент, кафедра "Переводоведение и межкультурная коммуникация", Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А

410054, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Политехническая, 77

✉ ovchinnikovaev@sstu.ru

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2023.5.68780

EDN:

BWIQGC

Дата направления статьи в редакцию:

22-10-2023

Аннотация: Предметом исследования в настоящей статье является категория греховности и особенности ее актуализации в русской культуре конца XVIII – начала XIX века. Автор рассматривает изучаемую категорию через призму художественной литературы, так как этот исторический период характеризуется особым

литературоцентризмом, когда в художественных произведениях достоверно отражалась социальная, духовная, культурная жизнь общества. Автор фокусируется на культурологическом анализе трактата А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии», в котором категория греховности репрезентируется через обращение писателя к таким понятиям как порок, добродетель, грех похоти, алчности, лени и гордыни, а также к идее наказания за грехи, образам рая и ада. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые была рассмотрена категория греховности, нашедшая объективацию в сочинении А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии». В своем сочинении писатель подробно рассматривает грех похоти, его причины и следствия, посвящая другим грехам, таким как лень, алчность и гордыня, всего несколько строк, что позволяет судить об их субъективной значимости. На основе проведенного культурологического анализа автор делает вывод о том, что исследуемая категория носит имплицитный характер и является базовой для русского общества XIX века. В произведении А.Н. Радищева актуализируется основная, регулятивная функция категории греховности.

Ключевые слова:

категория культуры, категория греховности, грех, порок, добродетель, XIX век, XVIII век, русская культура, Радищев, материализм

Изучение произведений XIX века с точки зрения культурологии представляется актуальным по ряду оснований, в частности, в связи с тем, что события и идеи этого периода играют во многом определяющую роль для современного общества. Рассмотрение художественных произведений с целью исследования культурной составляющей обусловлено тем, что период XIX века называют литературоцентричной эпохой, т.к. именно литература стала тем точным зеркалом, которое смогло отразить культуру столетия.

В качестве инструмента анализа культурной составляющей в настоящем исследовании применяется культурная категория, под которой мы понимаем структуры культуры (рассматриваемой как система), включающие единицы знания, а также представления и идеи о культуре разного уровня (в том числе концепты, смыслы, ценности, образы и др.), объединенные некоторой общей идеей.

Рассмотрим на конкретных примерах, как категория греховности представлена в произведениях русских писателей-философов, в частности, в творчестве А.Н. Радищева, оказавшего значительное влияние на русскую культуру своего XVIII, XIX и последующих веков. Отметим также, что рамки XIX века, чрезвычайно богатого на исторические события, многие исследователи раздвигают, включая в так называемый «долгий XIX век» период с 1789 г. по 1914 г. (в частности, об этом пишут И. Эренбург и Э. Хобсбаум [1, 2]). Таким образом, некоторые сочинения А.Н. Радищева можно отнести к самому началу «долгого XIX века».

Для анализа нами были выбрано произведение, в котором рассматриваются морально-нравственные качества человека, понятие души, порочности и добродетельности, а именно философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» [3].

Книга «О человеке, его смертности и бессмертии» была написана А.Н. Радищевым в период с 1792 по 1796 гг., когда писатель находился в ссылке. Известно, что он стал

одним из первых политических ссылочных, отправленных на долгие годы как можно дальше от столицы – в Сибирь, в ныне не существующий Илимск. Причиной ссылки стало его знаменитое произведение «Путешествие из Петербурга в Москву», где А.Н. Радищев безжалостно описывал негативные стороны социально-экономического и политического строя России, в котором самодержавный деспотизм опирался на крепостное право и церковь. Екатерина II, также получившая экземпляр книги, была разгневана, назвала Радищева «бунтовщиком, хуже Пугачева» [\[4, с. 227\]](#) и отправила писателя под арест в Петропавловскую крепость. Очень скоро палата уголовного суда вынесла А.Н. Радищеву смертный приговор, который был заменен императрицей на ссылку в означенное заключенного со Швецией мира.

А.Н. Радищев прибыл на место отбывания ссылки, в Илимск, в январе 1792 года и сразу же принялся за литературный труд. Он запланировал и начал несколько философских и исторических произведений, часть из которых так и не была окончательно завершена или опубликована при жизни автора. К таковым относится и философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии». Это произведение было опубликовано уже после смерти писателя, в самом начале XIX века, в 1809 году. Отметим, что сочинения А.Н. Радищева, а также упоминания его имени были запрещены при Екатерине II. Несмотря на последующую реабилитацию при Павле I и Александре I, тенденция не писать о Радищеве и его творчестве сохранялась. В качестве доказательства исследователи обычно приводят работы Н.И. Гречи, В.Г. Белинского, А.Г. Герцена, где имя Радищева действительно не приводится. В связи с вышесказанным современными исследователями делаются выводы о том, что труды Радищева не считались актуальными в XIX веке [\[5, с. 19\]](#). Однако, если рассмотреть подробнее вопрос с цензурой и попытками печати произведений или критики сочинений писателя, становится ясно, что репутация Радищева как революционера, запреты, разрешения, последующая реабилитация и повторные отказы в публикации, – все это подогревало интерес к его творчеству. Наследники Радищева во второй половине XIX века прикладывают все старания, чтобы добиться издания его работ или статей о нем. К таковым относятся статья в журнале «Современник» в 1856 году, печать книги «Путешествие из Петербурга в Москву» в Лондоне в 1858 году, статья в «Русском вестнике» в том же 1858 году и др. [\[6, с. 14-16\]](#). Что, безусловно, является показателем интереса общества того времени к идеям писателя, важности его рассуждений и выводов в целом для русской культуры XIX века.

Отметим также, что интерес читателей не был утерян ни из-за обстоятельств публикации, ни из-за избранной автором архаичной формы языка, которую А.С. Пушкин оценивал как «варварскую» [\[6, с. 14\]](#). Представляется, что данный факт также является аргументом в пользу значимости данного произведения для культуры XIX века, сохранившей и транслирующей мысли А.Н. Радищева. Неслучайно эпиграфом к своему сочинению «О человеке, его смертности и бессмертии» автор выбрал слова Г.В. Лейбница: «Настоящее время несет в себе зародыши будущего». И несмотря на то, что, очевидно, Радищев говорил о жизни после смерти, все же верится, что писательская интуиция не обманула автора, и эти слова также предвосхищают значение произведения для потомков литератора и первого в России дворянского революционера.

Трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» представляет собой обращенное к друзьям произведение, полное эмоциональных и даже пафосных высказываний, личных оценок и замечаний. Оно производит впечатление сбивчивой, не до конца логичной искренней речи человека, желающего не столько убедить читателя, привести его к единой с автором точке зрения, сколько пригласить собеседника к рассуждению, причем довольно эмоциональному. Все это насыщено явными и скрытыми цитатами, аллюзиями и

отсылками к значимым философским течениям и школам XVIII века [7, с. 83]. Представляется, будто автор хотел сделать некоторое резюмирующее заявление о тех представлениях о жизни и смерти, о душе и бессмертии, которые царили в течение XVIII века [8, с. 240], и, основываясь на полученном выводе, сделать шаг вперед, утвердить для грядущего века новые идеи.

Композиционно произведение состоит из двух частей. В первой части автор пишет, что душа представляет собой лишь сон, пустую мечту, созданную воображением человека, он явно излагает материалистические доводы. Во второй части писатель опровергает сделанные ранее заявления, что приводит к тому, что большинство исследователей творчества А.Н. Радищева полагают, что философ более склонялся к мысли о бессмертии души (об этом пишут В.В. Зеньковский [9], Н.О. Лосский [10, с. 16], Станциани [11]). Высказываются также мнения, что таким образом автор пытался примирить два противоположных учения: веру и материалистическую идеологию.

Какими бы ни были истинные взгляды автора, дальнейшее развитие философской мысли утвердило материализм в качестве основной парадигмы научного знания. Идеи, которые развивал А.Н. Радищев, наряду с другими авторами, были восприняты и получили дальнейшее распространение философами XIX века. Так, в частности, Радищев указывал, что смерть является неизбежной частью жизни. Ф. Энгельс в своем трактате «Диалектика природы» соглашается с этой мыслью русского писателя и пишет также, что понимание жизни связано с представлением о смерти, которая является необходимым результатом первой. «Жить – значит умирать», – подчеркивает Ф. Энгельс [12, с. 610]. В связи с данными обстоятельствами А.Н. Радищев признается рядом исследователей не идеалистом (как мы отмечали выше), а философом-материалистом, что тоже не лишено оснований.

Материалистические взгляды не мешали А.Н. Радищеву рассуждать о религиозных понятиях: в его трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» половина текста изложена с позиций веры. В связи с этим рассмотрим подробнее категорию греховности, нашедшую отражение в этом произведении. Подчеркнем, что, в целом, тема греха не является лейтмотивом произведения, писатель не уделяет ей значимого внимания, однако, она присутствует в оценках как людей и их поступков, так и в рассуждениях о духовности и устройстве жизни после смерти. Внимательный анализ позволил нам найти аллюзии и отсылки к категории греховности, которые Радищев не считает необходимым ни развивать, ни объяснять читателю. Данные факты свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что писатель уверен в том, что читатели полностью разделяют его мнение о природе и последствиях греха, эти знания он относит к числу фоновых, всеобщих для своих современников. Тем более значимым с культурной точки зрения представляется текст трактата, содержащего указания на универсальное культурное знание о категории греховности.

В первой «материалистической» части своего трактата А.Н. Радищев упоминает об одном из важнейших грехов – хулении на Бога, признавая его недопустимым: «Рыдания ваши и молитвы суть хуление» [3, с. 69]. Он как бы оправдывается перед высшими силами за свои материалистические выкладки, которые, согласно мнению автора, могут быть оценены как попытка посягнуть на область, подвластную лишь Богу: «О всесильный! отпусти дерзновение мое; я умствованием одним угадать тебя тщуся» [3, с. 45]. При этом Радищев не демонстрирует избыточной покорности или религиозного рвения и дает разрешение самому себе: «в том нет дерзновения!» [3, с. 45].

С самых первых страниц трактата писатель смело устремляется в описание интимных отношений и процесса развития человека до рождения. Автору присуща откровенная прямота, отсутствие какой-либо завуалированности, тем самым он отдает дань материализму, не забывая, впрочем, упомянуть и о моральных нормах, регулирующих поведение человека в упомянутых сферах, в частности, необходимость избегать такого греха, как похоть: «Возниченное положение, открывая детородные части, в человеке, влечет, кажется, за собою неминуемое следствие – опояску» [\[3, с. 49\]](#). По мнению Радищева «неумеренные любовные страсти», могут привести к самым удручающим последствиям, в том числе безумию и смерти [\[3, с. 70\]](#).

Радищев находит рациональное объяснение этому греху похоти – он происходит из естественного различия полов, причем действие его «необоримо», и лишь различается по интенсивности. У добродетельных людей оно «сладостно», у «развратных» – имеет «зверский» характер [\[3, с. 57\]](#).

Впрочем, даже в «материалистической» части своего произведения писатель положительно оценивает антипод греха – целомудренность (которая в отсутствии понятия греха не имеет большого значения), рассуждая о «развратных жеманках европейских столиц» и целомудренном изображении обнаженной натуры в древнеримский период [\[3, с. 54\]](#).

К добродетелям (также полярным качествам по отношению к греху) писатель относит материнскую любовь, а также указывает, что именно из нее происходят все остальные человеческие добродетели [\[3, с. 57\]](#).

Интересен тот факт, что в своем трактате Радищев не рассматривает других грехов, кроме похоти, упоминая лишь об алчности, гордыне и лени: «воззри на сребролюбца, воззри на алчущего славы» [\[3, с. 119\]](#). Причем старается найти рациональное объяснение. Так, например, лень, по мнению автора книги, побуждается силами природы, например, ветром: «В Каире, даже в Марсели, когда подует известный ветр, то нападает на человека некая леность...» [\[3, с. 63\]](#) (речь идет, очевидно, о мистрале, ветре, приносящем резкие изменения погоды и ухудшение самочувствия у метеозависимых людей).

Во второй части трактата, где автор выступает адвокатом духовной идеологии, А.Н. Радищев напротив, утверждает, что «нанителеснейшая из страстей» – любовь [\[3, с. 117\]](#) происходит из движения души, и что понять это возможно путем саморефлексии, задавая себе вопрос о том, где находится душа, в момент, «когда страсти возжгут огнь в крови твоей» [\[3, с. 93\]](#). А также приводит аргумент против своего же тезиса о том, что греховные наклонности (пороки) возникают у человека под воздействием обстоятельств и внешней среды: «Хотя корень их веществен есть... но что дает страсти в человеке толикую энергию и силу» [\[3, с. 119\]](#), утверждая, что только существование души может дать подобный эффект. Душа выступает главной движущей силой в человеке, она «самодержавна» и «властвует над телом».

Во второй части трактата, где автор отказывается от поиска рациональных объяснений греховности, находим многочисленные отсылки к идее о рае и аде, из чего логично следует заключение о наказании за грехи и вознаграждение за добродетели. Рай, как полагает Радищев, – это место для тех, кто «страдал за исповедание», а также для радующихся «сделанному добру» и своей собственной добродетели, т.к. эта последняя

и есть само по себе воздаяние за благие поступки. Грешников же ожидает ад, в котором они будут «ежечасно упрекать себе свои злодеяния, терзаться, казниться» [\[3, с. 127-141\]](#).

Таким образом, в трактате А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии» культурная категория греховности часто актуализируется имплицитно, автор подразумевает, что его читатель разделяет его религиозные воззрения, в которых осуждаются и наказываются пороки, как свойства, ведущие к греху, и вознаграждаются добродетели. В своем произведении писатель особенно отмечает похость, вопрос о которой он не рассматривает напрямую, однако мысль о ней подспудно присутствует в повествовании. Упомянуты также такие грехи как лень, алчность и гордыня.

Представляется, что трактат отражает сложившееся в обществе к началу XIX века отношение к греховности: регулятивная функция этой категории по-прежнему была актуальной, однако не требовала дополнительного обсуждения и уточнения и воспринималась на уровне базового знания. Размышления о материальной природе человеческих чувств по-прежнему включали в себя понимание о пороках как свойствах, ведущих к греху.

Библиография

1. Пинковский В. И. Литературоцентризм как препятствие на пути разностороннему пониманию произведений // Совершенствование науки в наши дни. Часть 1. Ростов-на-Дону: ООО "Издательство ВВМ", 2022. С. 166-168.
2. Турышева О. Н. Русский литературоцентризм в аспекте литературной рефлексии // Уральский филологический вестник. 2013. №1. С. 228-243.
3. Радищев А. Н. О человеке, его смертности и бессмертии // Полное собрание сочинений. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1938-1954. Т. 2. С. 40-142.
4. Храповицкий А. В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М.: Университетская типография, 1862. 294 с.
5. Эйдельман Н. Я. «Вослед Радищеву...» // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1989. С. 18-36.
6. Маслова А. А. Печатать запрещается: к вопросу о публикации биографии А.Н. Радищева в 1858 году // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 11-19. doi 10.31862/2500-2988-2021-12-1-11-19.
7. Liechtenhan F. Catherine II: Le courage triomphant. Paris: Perrin. 2021. 480 p.
8. Citot V. V. La philosophie russe // Histoire mondiale de la philosophie: Une histoire comparée des cycles de la vie intellectuelle dans huit civilisations. Paris: Presses Universitaires de France, 2022. P. 233-276. doi 10.3917/puf.citot.2022.01.0233
9. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 894 с.
10. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Азбука, 2022. 608 с.
11. Stanziani A. Chapitre 1. Le miroir russe // Les métamorphoses du travail contraint: Une histoire globale (XVIIIe-XIXe siècles). Paris: Presses de Sciences Po. 2020. P. 17-47.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 20. 827 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования представленной для публикации в журнале «Человек и культура», как частично обозначено в заголовке («О репрезентации культурной категории греховности в творчестве А.Н. Радищева»), является репрезентация культурной категории греховности в философском трактате А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии». Объект исследования (конкретный философский трактат) поясняется в водной части статьи. Там же (во введении) автор уместно поясняет предмет своего внимания как культурную категорию, под которой понимает определенную артикулированную структуру культуры (в системном значении), включающей единицы знания, а также представления и идеи о культуре разного уровня (в том числе концепты, смыслы, ценности, образы и др.), объединенные некоторой общей идеей. Это разъяснение вскрывает как рассматриваемый аспект предмета исследования, так и авторский аналитический подход, благодаря которому автор избегает односторонности нарративного подхода, где акцентируется внимание на исключительно доминантных культурных категориях, обуславливающих социальный дискурс. Существенной ремаркой автора во введении является уточнение понятия XIX в., которое раскрывается сквозь призму системного единства ценностно-смысовых категорий (культурных категорий), характеризующих культурно-историческую эпоху.

В основной части статьи автор соразмерно обращается к анализу социокультурной исторической ситуации, повлиявшей на судьбу творческого наследия А.Н. Радищева, попутно раскрывая особое отношение философа к «пушкинской» реформе русского языка, а за тем, с опорой на анализ источника и мнения коллег, излагает результаты исследования.

В заключении автор резюмирует итоги проведенного анализа, делая вывод, «что трактат отражает сложившееся в обществе к началу XIX века отношение к греховности», обращая внимание, как Радищевым «культурная категория греховности часто актуализируется имплицитно, автор подразумевает, что его читатель разделяет его религиозные воззрения, в которых осуждаются и наказываются пороки, как свойства, ведущие к греху, и вознаграждаются добродетели».

Таким образом, предмет исследования раскрыт автором на высоком теоретическом уровне, заявленная во введении программа исследования полностью выполнена.

Методология исследования базируется на понятии «культурная категория» (А.Я. Гуревич), являющейся одной из определяющих в системно-деятельностном подходе российской культурологии (М.С. Каган, В.С. Степин, А.Я. Флиер и др.), позволяющей атрибутировать конкретный культурный артефакт (репрезентация культурной категории греховности в философском трактате А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии») в системе культурных порядков исторической эпохи, т. е. осуществить культурологическую атрибуцию частного в общем (А.Я. Флиер и др.)

Актуальность темы исследования автор поясняет тем, что события и идеи XIX в. «играют во многом определяющую роль для современного общества». Тезис автора, безусловно, имеет под собой глубокие основания. В частности, рецензент отмечает, что современная Россия посредством обращения к культурному наследию XIX в., ознаменовавшему во всем своем многообразии Золотой век российской культуры, пытается преодолеть деструкцию идеологической борьбы с инакомыслием, в которой погряз XIX в., и найти достаточные основания для бесконфликтного примирения с историей в построении общенациональной культурной идентичности.

Научная новизна исследования, отраженная в итоговом выводе автора, не вызывает сомнений. Полученный результат, по мнению рецензента, восполняет некоторый пробел причинно-следственных связей системного единства ценностно-смысовых категорий (культурных категорий), характеризующих культурно-историческую эпоху XIX в. между

А.Н. Радищевым и Л.Н. Толстым, снижая роль культурных лагов, образовавшихся в представлениях об эпохе в силу идеологических её оценок советского времени.

Стиль текста в целом выдержан научный, хотя устранение автором отдельных помарок, по мнению рецензента, способствует улучшению его качества: 1) в отдельных высказываниях следует уточнить пунктуацию и скорректировать технические описки («... к самому началу XIX века, тем более, что напечатаны они были...», «... о религиозных понятиях, там более, что, напомним, в его трактате...»); 2) в отдельных случаях перед квадратными скобками следует удалить лишнюю точку ( ); 3) сноски типа: «(см. [3, с. 54])», «(см. стр. 57)» разумно привести в общем стандарте ([3, с. 54], [3, с. 57]); 4) в отдельном фрагменте лишние кавычки («Таким образом, в трактате А.Н. Радищева ««О человеке...»»).

Структура статьи полностью соответствует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография хорошо отражает проблемное поле исследования, оформлена в полном соответствии с требованиями редакции и ГОСТа.

Апелляция к оппонентам логична, корректна и достаточна.

Безусловно, интерес читательской аудитории журнала «Человек и культура» к представленной статье гарантирован, но отдельные технические помарки автору все же следует устранить.